

Никос Атинейос: музыка не должна быть бегством от реальности

Виталий Пацков

— Господин Атинейос, вы дирижировали оркестрами крупнейших музыкальных театров Германии — Дармштадта, Мангейма, Ульма. Почему вы решили взять на себя руководство молодым симфоническим оркестром Франкфурта-на-Одере — филармоническим коллективом самой восточной земли Германии?

— С одной стороны, я люблю неизвестные пространства. С этим молодым оркестром для меня связывались новые реальности, это был риск, но открывалась и перспектива. А с другой стороны, сама по себе Восточная Германия — место самых невероятных возможностей. Сегодня она освободилась от директивной культуры, и в ней открывается культура живая, многомерная; она только рождается, и прекрасно стоять у ее истоков. Восточная Германия олицетворяет время радикальных изменений, свободных от консервативных традиций, которыми обладают другие регионы Европы. Так же, как сегодня в России, в Восточной Германии можно заниматься субстанциальным, содержательным искусством, влиять на возникновение новых культурных генераций. Восточная Европа вступила в удивительную фазу. Она обладает огромным экзистенциальным опытом жизни при тоталитарном режиме, это редкий опыт, и, помноженный на открывшиеся возможности, я думаю, он даст свои результаты. Восточная Европа, Россия — страны с уникальной культурой, которой предстоит сказать свое слово на рубеже нового столетия. В то же время у меня никогда не было проблем с Востоком и Западом, с двумя половинами Европы. Я сам из Греции и всегда активно смотрел на феномен Германии. На высшем, универсальном уровне

культура этой страны едина и целостна, несмотря на ее диалектичность и непрямые традиции.

— Вы явно предпочитаете позднюю романтическую музыку, и ваша программа для московской публики в концертном зале им. Чайковского была составлена из поздних романтиков — Брамс, Малер. Концерт прошел с невероятным успехом — прогнозировался ли вами этот успех?

— Я этого не предвидел, но с большим удовольствием экспериментировал с программой. Правда, успех в значительной степени опирался на Второй фортепианный концерт Брамса, на его энергетическое прочтение одной из лучших пианисток Германии — Аннерозе Шмидт. С другой стороны — у меня особое отношение к Малеру как генезису всей новой музыки. Мне было интересно узнать, как воспринимается Малер в России. Он редко исполняется в Восточной Европе, а в Москве им дирижировал, кажется, только Светланов. С помощью Брамса и Малера я продемонстрировал эволюцию музыкального сознания, его выход к философской проблематике нашего времени. Не случайно Малер в одном из писем к Шёнбергу писал: «Читайте Достоевского. Достоевский вам откроет новое мышление». Малер повлиял на всю новейшую культуру, в Альфреде Шнитке присутствует Малер.

— Какую русскую музыку поздней романтической эпохи вы исполняете?

— Прежде всего Рахманинова, но это совсем иная музыка, удивительно соотносящаяся с переживаниями человека в природе, связанная с пространством. В русской музыке меня интересует выход из позднего романтизма, преодоление конфликтности этого времени, личного человеческого одиночества. Прокофьев с его фу-

туристичностью, стремительностью, со сталкиванием ритмов, с необыкновенным чувством пульса времени, душевным здоровьем и целостностью; Шостакович с грандиозными панорамами космоса и человеческой жизни, когда природа и социум сливаются в единый горизонт; поиски новых универсальных ценностей у Альфреда Шнитке, его интегральность мировых достижений музыкальной культуры.

— Как воспринимает западная ментальность эту музыку; насколько та ей органична?

— Повторяю, я сам грек. Учился в Кельне и сделал карьеру в Западной Германии. В греческой культуре встречаются Восток и Запад, и это мне помогает быть открытым и играть «открытую» музыку. Русская музыка очень любима на Западе — так же, как и русская литература. Я думаю, западная личность обретает в ней то, что ей недостает в западной цивилизации — сердечность и всеотзывчивость. В нее погружаешься, в ней присутствуешь, в ней участвуешь. Именно в этом нуждается постоянно рефлектирующая западная мысль. Русская музыка предлагает особую искренность, взволнованность и недистанцированность перед миром.

— Перед концертом в Москве вы участвовали в фестивале Рахманинова в Тамбове и даже выступали в его родовой усадьбе в деревне Ивановка. Как вас воспринимали на родине Рахманинова?

— Очень большой успех и удивительно благодарная публика. Но наряду с Рахманиновым мы исполняли и Малера, еще более неизвестного там, чем в Москве. Меня поразили интеллектуальный уровень этой простой публики, ее естественность в восприятии музыки. Ведь Тамбов — это русская провинция, и если в вашей про-

винции такая открытость современным музыкальным интонациям, то вам нечего беспокоиться за судьбу русской нации.

— Отличалась ли публика на фестивале Рахманинова от публики Франкфурта-на-Одере?

— В известном смысле да. Публика в залах тамбовской филармонии слушала сердцем. Я не хочу сказать, что франкфурты недостаточно эмоциональны. Но у меня

такое чувство, что здесь музыка воспринимается по-другому — сначала сердцем, а потом уже умом. И, может быть, понятие неподготовленности к дешевой публике неприложимо — она открыта к сложности чувством.

— А как для вас самого звучала музыка Рахманинова на его родине? Соединялась ли она с местом первых впечатлений композитора, с энергией земли?

— Я реально, физически ощутил ностальгию, пронизывающую всю его музыку, эти удивительные пейзажи, раскрывающиеся пространства, небо, его огромность, я бы сказал, незаслоненность; услышал органику звука и природы, связь рельефа земли с рельефом музыкальной композиции. Меня поразила сама Ивановка, просторы вокруг, где человек теряется и одновременно сливается с миром, пронизанный его токами.

— Сегодня приходится выдерживать сильную конкуренцию за право быть хорошим оркестром. Как создается образ вашего оркестра, его лицо, уникальность? Чем он отличается от других оркестров Германии?

— С одной стороны, этому помогает особое «географическое» положение оркестра. Франкфурт-на-Одере — самый восточный город Германии, расположенный на границе с Польшей, место, где Запад встречается с Востоком. Мы даем много концертов в Западной Германии, но наша миссия в том, чтобы создать мост между Западом и Востоком, — преимущество, которым обладают немногие оркестры, к тому же они редко им пользуются, не осознавая своих возможностей. И это не только этическая сторона нашей деятельности, а, я бы сказал, сущностная. Являясь проводником между Востоком и Западом, мы формируем универсальные программы, где реализуется полнота общения разных ментальностей и разных сознаний. Оркестр Франкфурта-на-Одере обладает настолько обширным репертуаром, что он мог бы принадлежать нескольким оркестрам. За последние годы мы не только расширили репертуар, но стали включать в программы редко исполняемые и малоизвестные композиторов рубежа столетий, открывая новые стороны музыки модерна. Конец нашего столетия имеет много

общего с теми процессами, что происходили сто лет назад, и, изучая их, можно сделать предсказания о музыкальной культуре будущего. Создавая редкие программы, оркестр нашел свой рынок, к последним записям на компакт-дисках проявляется серьезный интерес. Современный симфонический оркестр — сложный организм, создаваемый не только дирижером и коллективом, но и менеджером. Я очень благодарен нашему молодому менеджеру, в прошлом виолончелисту, Паулю Мюллеру, за формирование правильной стратегии.

— Исполняется ли вами авангардная или новейшая музыка и как при этом учитываются вкусы публики?

— Здесь следует быть очень осторожным. Важна скорее не самая новейшая музыка, а ее контекст, связь с классическими музыкальными формами. Оркестр так составляет программу, чтобы в одном концерте продемонстрировать устоявшуюся традицию и ее жизнь в современной культуре. Одним из наших экспериментов было исполнение в единой программе Чайковского и европейского авангарда. Чайковский всегда был любимцем публики, но в его симфониях, особенно в Шестой, заложены проблемы и музыкальные структуры, совершенно органичные современному сознанию. Его присутствие способно одновременно адаптировать и актуализировать самые радикальные музыкальные высказывания и естественно связать традиции позднего романтизма с музыкальными идеями 80-х годов нашего века.

— Меняется ли форма контактов вашего оркестра с публикой?

— Сейчас в культуре наблюдается кризис. Концертные залы и театры пустеют — ослаблены контакты художественных институтов с аудиторией. Даже в Берлине,

традиционном центре европейской музыкальной культуры, концерты плохо посещаются. И естественно, оркестр ищет более гибких контактов с публикой, причем форма контактов становится органичной частью оркестра, его стратегией. Столетие идет к концу, а мы только начинаем говорить о значимости музыки XX века. Мы живем в ускоренном процессе истории, а наше сознание очень консервативно. Музыка Моцарта адаптирована культурой, ее исполнение сопровождается комфортным состоянием слушающего. Но музыка не должна быть бегством от реальности, концерт должен заставить пережить катарсис, чтобы слушатель ощущал драматургию современной жизни, ее синхронность реальным проблемам и преодолевал эти проблемы в эстетических переживаниях. Мы приехали в Россию с Малером, с Малером как образом новых идей и новых проблем, которые нам вместе предстоит разрешить.

— Каким вы видите оркестр XXI столетия?

— Оркестр — организм и посредник, открывающий музыкальную культуру. Музыка всегда будет нужна человечеству, это один из самых важных его языков. Может быть, изменится сам музыкальный ландшафт, появятся иные оркестры — иные по инструментальности. Вероятно, возникнет тип оркестра, обнажающего процесс своей деятельности, более открытого и демократического, не только исполняющего музыку, но и ставшего вопросом, чем вообще может быть культура. Оркестра, основанного на свободной смене познавательных установок, оркестра как интегрального образа музыкальных языков, где Рахманинов не противопоставлен Альфреду Шнитке. Это и есть оркестр следующих десятилетий.